

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

☆
О гастрольях
И. С. Козловского
☆

Вопросы русского вокального исполнительства далеко не безразличны для массового слушателя. Эти сложные вопросы закономерно волнуют его. И вот, поскольку мы стали свидетелями длительных гастролей И. С. Козловского на горьковской оперной сцене, видимо, не безинтересно остановить внимание общественности на некоторых чертах, свойственных творчеству этого популярного певца.

Значение исполнителя в оперном спектакле определяется тем, насколько хорошо он понимает авторский замысел и умеет раскрыть в том или ином художественном образе, созданном композитором, его истинное содержание, его жизненную правду.

Именно поэтому роль исполнителя — ответственна и трудна.

Ни один сколько-нибудь крупный советский певец не может пройти мимо задачи — освоить опыт великих русских вокалистов прошлого, таких, как О. Петров, Собинов, Шаляпин. Все эти замечательные мастера пения были страстно влюблены в русскую природу, плеялись народной песней. Это помогало их высокому творчеству, сближало их духовно с гениями русской музыки — с Глинкой, Мусоргским, Чайковским, Римским-Корсаковым.

Наша национальная вокальная культура так же, как и русская музыка, складывалась под влиянием народной песни. Народное песенное творчество формировало наших певцов. Народная песня придавала их исполнению особую выразительность, задушевность, теплоту и искренность. Петь «с душой» — это значит быть подлинным представителем русской вокальной школы.

И. С. Козловский — русский самобытный певец. Достаточно прослушать его в концертах, где солист исполняет народные песни, чтобы убедиться в этом. И в операх И. С. Козловский-певец ищет значительность содержания, вносит в худо-

жественные образы выразительность и осмысленность, которые связаны не только с мелодией, но и с настроением и смыслом звучащего слова.

Никто не решится отказать И. С. Козловскому в высокой культуре пения, но у него, скажем прямо, еще не всегда наличествует та творческая глубина, которая постигается не блеском вокальных красот (этим певец обладает в полной мере), а содержательностью зрелой мысли, одухотворенностью и нравственным воодушевлением артиста.

Все великие русские певцы были поэтичны и задушевы по самой натуре своей, сильны тем, что создавали правдивые музыкально-психологические образы. Какая благодарная задача следовать этим замечательным традициям.

В репертуаре И. С. Козловского — много самых разнообразных партий. Разносторонность дарования отличает его. В самом деле, что общего между сентиментальным Вертером и певцом народной печали — юродивым («Борис Годунов» М. Мусоргского), между ласковым и нежным поэтом Ленским в «Евгении Онегине» И. Чайковского и легендарным Лоэнгрином в одноименной опере Р. Вагнера? Смелый Дубровский и вечно неудовлетворенный собой доктор Фауст — таковы противоположные точки его творчества.

Галерею различных характеров, созданных Козловским, роднят общие, присущие актеру черты: гуманизм, любовь к человеку. Козловскому близки образы пушкинской поэзии и прозы, воссозданные гениями нашей национальной музыкальной драматургии — Чайковским и Мусоргским. В пушкинских героях находит свое выражение то самобытное рус-

ское, что так характерно для этого актера.

Много лет назад молодой певец И. Козловский воплотил на сцене Большого театра образ юродивого в «Борисе Годунове». Певец почувствовал проникновенную, щемящую душу музыку Мусоргского, основанную здесь на темах плача и народного причитания. Был, по общему признанию, создан ценный образ. В юродивом артист раскрыл человека, как совесть народа — народа, живущего в мрачную феодально-крепостническую эпоху.

Финал картины «Под Кромами». Сцена пустует. Юродивый остается один. Он слушает звуки отдаленного набата. Начинает петь песню, оплакивая судьбу русского обездоленного люда.

Замирающим пианиссимо заканчивал Козловский спектакль «Борис Годунов».

Трудно в небольшой обзорной статье охарактеризовать хотя бы часть того, что создано актером. Остановимся на четырех образах, показанных Козловским на горьковской оперной сцене.

В солнечный день ранней осенью, когда листья чуть-чуть начинали желтеть в тенистом саду усадьбы Лариных, — появился у старого дома с колоннами Владимир Ленский — поэт и мечтатель. Он близок к русской природе, сроднился с ее широтой. Это — юноша, каким мы привыкли ощущать его, читая пушкинский роман. Он преисполнен наивной гордости, представляя Лариным Онегина — вот, мол, смотрите, какого замечательного человека я к вам привез! Он любит Ольгу трепетно и нежно, ловит каждый ее взгляд. Все это мы видим отчетливо. Вот он поет знаменитое ариозо «Я люблю вас, Ольга», и здесь выливается весь оптимизм Ленского, его светлая мечта о счастливом будущем. Он поет задушевно и мелодично, не прибегая к внешним эффектам. Мы обращаем внимание и на то, что Ленский, пылкий по самому духу своей

мысли, — прост и доступен народу; замечаем, как сердечно обходится он с няней Татьяны, как отзвучивает в этой старой русской женщине — Филиппьевне.

Идет ларинский, или, как говорил Станиславский, «ситцевый» бал: старомодный вальс, открывающий веселый праздник именин Татьяны; помещики, расуждающие об охоте; молодые девицы, кокетничающие с ротным; маменьки, пересуживающие приезжих из столицы, особенно Онегина — и вот на этом провинциально-бытовом фоне мы видим Ленского, поэта с его благородной мечтой, искренним чувством любви к Ольге, превеликим самолюбием и житейской неопытностью. Вместе с ним мы переживаем сцену неоправданной, никому не нужной ссоры с Онегиным. И как бы сами, вместе с Ленским, обращаемся к хозяйке дома, к детству и юности поэта («В вашем доме, как сны золотые, мои детские годы текли»). Козловский поет это ариозо, развернутое в темпе медленного вальса, постепенно наполняя его все большей страстностью и, наконец, переходит к патетике.

Ленскому присущи большая внутренняя цельность и гордое человеческое достоинство. Эти черты раскрываются наиболее ясно в сцене поединка, где Козловский выразительно подчеркивает и сценическими и вокальными средствами трагизм безвременной гибели молодого поэта. И в арии «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?» голос певца способен дать на верхних нотах предельную легкость, создать впечатление прозрачности, но истинная сила не только в этом. Певец здесь, в арии, должен найти глубокую мысль. Только тогда мы почувствуем очарование пушкинской поэзии и лирическую прелесть творчества Чайковского.

К сожалению, в работе над ролью Ленского певец допустил досадный промах. Он нарушил естественность развития образа Ленского в одной из ответственных сцен, позволил себе в этой сцене далеко отойти от замысла автора оперы. Ленский — на коленях перед Ольгой. Входит Ларина, Козловский хочет оправдать по-

ведение своего героя — не вставая с колен Ленский ищет на земле цветочки, срывает их, и ведет себя с такой наивной и нелепой простоватостью, с такой «детскостью», что эта манера вызывает смех в зрительном зале. Подтрунивая таким способом над героем оперы, Козловский не достигает цели и впадает в неловкость, в явную ошибку. Он забывает замечательный совет К. С. Станиславского: «Если вы смешите здесь (в «Евгении Онегине» — Н. Б.) публику, вы ее развращаете, так как создаете у нее неверное впечатление, искажаете Пушкина и Чайковского». Действительно, юная горячность, пылкость и трепетная взволнованность Ленского в этой сцене вовсе не требуют от исполнителя подобного рода комизма. Мы не понимаем, зачем Козловскому понадобилось смешить публику и к чему этот большой артист занялся мелким «обыгрыванием» комического? Ведь Чайковский, как известно, отнюдь не прозаически смотрел на Ленского. У Чайковского написан чистый и светлый образ поэта, согретый теплой и мягкой, идущей от самого сердца лирикой. И Козловский силен и значителен тогда, когда он идет за Чайковским.

Сосредоточенный и энергичный Дубровский продолжает галерею образов, созданных певцом. Верно и точно рассказал Козловский о судьбе пушкинского героя. Его Дубровский — и защитник угнетенных крепостных, и влюбленный юноша, и смелый офицер, и благородный «разбойник» — одновременно. Образ весьма сложный.

В исполнительской культуре Козловского, в его пении и игре, есть внутреннее благородство. Играя Дубровского, актер передает душевный мир пушкинского героя. Может быть, для этого образа пужны и более острый рисунок, и более трагический стиль. Дубровский в исполнении артиста был мягче. Но образ, нарисованный с большой сценической культурой, проникнут все той же, характерной для Козловского, человечностью.

И. С. Козловский в «Травиате» играет Альфреда Жермона. Казалось бы, что можно сделать с этой заигранной, избит-

той ролью? Но вот и она получает свое, образное, свежее звучание, начинает ощущаться по-новому.

С первого выхода на сцену Козловского Альфреда зритель видел в нем не трафаретного и сладенького «героя-любовника», а сердечного человека, вынужденного жить в пошлом аристократическом «свете» Парижа, испытывать множество нравственных страданий. Его Альфред наполнен чистой и горячей любовью к Виолетте, простой и сердечной девушке, которую проникновенно играет В. Симанская. Работая над партией, Козловский подчеркивает в образе Альфреда лучшие душевные эмоции. При высоком уровне вокальной техники певца, они окрашивают каждую фразу, захватывают нас нужным настроением. В этой партии Козловский показал чистоту интонации, хорошую дикцию. Задушевность пения артиста, его способность следовать в этой опере за указаниями автора, незабываемая красота звука — вот что вызывает художественное волнение слушателей.

В «Фаусте» Козловский создает сценический портрет молодого человека, жаждо стремящегося к смелым дерзаниям в жизни, к искренней человеческой любви. Актер-реалист, Козловский не изменяет принципам реализма и в этой опере, связанной с колоритом средневековой легенды, с «чудесами» сказки. Его Фауст — прежде всего человек. Козловскому удалось преодолеть проступающую местами в опере Гюно слащавость. Он передает слушателю яркую гамму настроений, связанных с авторским замыслом, — от светлых любовных грез до скорбной лирики последних сцен.

Русские певцы всегда творили для человека и о человеке. Великий гуманизм, характеризующий русское певческое искусство, всегда поражал зарубежных музыкантов. Сейчас советские вокалисты стоят в авангарде передового искусства всего мира. Это во многом обязывает. Пожелаем же И. С. Козловскому продолжать и развивать лучшие традиции родного искусства.

Н. БАРСУНОВ.